

# Русские женщины — эпизод 13 из 17

У них и покой, и свобода,  
Танцуют, смеются!.. а мне не знавать  
Веселья... я еду на муки!..  
Не надо бы мыслей таких допускать,  
Да молодость, молодость, внуки!  
Здесь снова пугали меня Трубецкой,  
Что будто ее воротили:  
Но я не боюсь позволение со мной!  
Часы уже десять пробили,  
Пора! я оделась. Готов ли ямщик?  
Княгиня, вам лучше дожждаться  
Рассвета, заметил смотритель-старик.  
Метель начала подыматься!  
Ах! то ли придется еще испытать!  
Поеду. Скорей, ради бога!..  
Звенит колокольчик, ни зги не видать,  
Что дальше, то хуже дорога,  
Поталкивать начало сильно в бока,  
Какими-то едем грядами,  
Не вижу я даже спины ямщика:  
Бугор намело между нами.  
Чуть-чуть не упала кибитка моя,  
Шарахнулась тройка и стала.  
Ямщик мой заохал: Докладывал я:  
Пождать бы! дорога пропала!..  
Послала дорогу искать ямщика,  
Кибитку рогожей закрыла,  
Подумала: верно, уж полночь близка,  
Пружинку часов подавила:  
Двенадцать ударило! Кончился год,  
И новый успел народиться!  
Откинув циновку, гляжу я вперед  
По-прежнему вьюга крутится.  
Какое ей дело до наших скорбей,  
До нашего нового года?

И я равнодушна к тревоге твоей  
И к стонам твоим, непогода!  
Своя у меня роковая тоска,  
И с ней я борюсь одиноко...  
Поздравила я моего ямщика.  
Зимовка тут есть недалеко,  
Сказал он, рассвета дождемся мы в ней!  
Подъехали мы, разбудили  
Каких-то убогих лесных сторожей,  
Их дымную печь затопили.  
Рассказывал ужасы житель лесной,  
Да я его сказки забыла...  
Согрелись мы чаем. Пора на покой!  
Метель всё ужаснее выла.  
Лесник покрестился, ночник погасил  
И с помощью пасынка Феди  
Огромных два камня к дверям привалил,  
Зачем? Одолели медведи!  
Потом он улегся на голом полу,  
Всё скоро уснуло в сторожке,  
Я думала, думала... лежа в углу  
На мерзлой и жесткой рогожке...  
Сначала веселые были мечты:  
Я вспомнила праздники наши,  
Огнями горящую залу, цветы,  
Подарки, заздравные чаши,  
И шумные речи, и ласки... кругом  
Всё милое, всё дорогое  
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,  
Забыла я всё остальное!  
Я живо вскочила, как только ямщик  
Продрогший в окно постучался.  
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,  
Но деньги принять отказался.  
Не надо, родная! Бог вас защити,  
Дороги-то дальше опасны!  
Крепчали морозы по мере пути  
И сделались скоро ужасны.  
Совсем я закрыла кибитку мою

И темно, и страшная скука,  
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,  
Когда-нибудь кончится мука!  
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет  
И путь мой заносят метели,  
А всё-таки я подвигаюсь вперед!  
Так ехала я три недели...  
Однажды, заслышав какой-то содом,  
Циновку мою я открыла,  
Взглянула: мы едем обширным селом,  
Мне сразу глаза ослепило:  
Пылали костры по дороге моей...  
Тут были крестьяне, крестьянки,  
Солдаты и целый табун лошадей...  
Здесь станция: ждут серебрянки,\*  
Сказал мой ямщик. Мы увидим ее,  
Она, чай, идет недалече...  
Сибирь высылала богатство свое,  
Я рада была этой встрече:  
Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь  
О муже, о наших узнаю.  
При ней офицер, из Нерчинска их путь...  
В харчевне сижу, поджидаю...  
Вошел молодой офицер; он курил,  
Он мне не кивнул головою,  
Он как-то надменно глядел и ходил,  
И вот я сказала с тоскою:  
Вы видели, верно... известны ли вам  
Те... жертвы декабрьского дела...  
Здоровы они? Каково-то им там?  
О муже я знать бы хотела...  
Нахально ко мне повернул он лицо  
Черты были злы и суровы  
И, выпустив изо рта дыму кольцо,  
Сказал: Несомненно здоровы,  
Но я их не знаю и знать не хочу,  
Я мало ли каторжных видел!..  
Как больно мне было, родные! Молчу...  
Несчастный! меня же обидел!..

Я бросила только презрительный взгляд,  
С достоинством юноша вышел...  
У печки тут грелся какой-то солдат,  
Проклятье мое он услышал,  
И доброе слово не варварский смех  
Нашел в своем сердце солдатском:  
Здоровы! сказал он, я видел их всех,  
Живут в руднике Благодатском!..  
Но тут возвратился надменный герой,  
Поспешно ушла я в кибитку.  
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!  
Не даром я вынесла пытку!  
Поутру на белые степи гляжу,  
Послышался звон колокольный,  
Тихонько в убогую церковь вхожу,  
Смешалась с толпой богомольной.  
Отслушав обедню, к попу подошла,  
Молебен служить попросила...  
Всё было спокойно толпа не ушла...  
Совсем меня горе сломило!  
За что мы обижены столько,  
Христос? За что поруганьем покрыты?  
И реки давно накопившихся слез  
Упали на жесткие плиты!  
Казалось, народ мою грусть разделял,  
Молясь молчаливо и строго,  
И голос священника скорбью звучал,  
Прося об изгнанниках бога...  
Убогий, в пустыне затерянный храм!